

Принуждение к труду на Руси

Основными историческими формами принуждения к труду на Руси являлись война, рабство, а также иная зависимость внеэкономического характера. Насильственная зависимость большинства населения, людской массы, оказалась единственным условием развития и жизни Древней Руси. Рабочая сила оказалась в обезличенном состоянии азиатской обстановкой жизни и азиатским порядком дел, что исключало всякий дух сопротивления. По выражению историка С. Соловьева, крестьянство представляло собой «жидкий элемент», способный к единственному способу защиты – бегству от насилия и зависимости на новые земли.

1. **Война.** Русь возникла не на торговых путях, а в результате военных столкновений и конфликтов. Славянское племя «руссов», воинственное по своему духу и движению, оказалось во главе «принудительного сотрудничества» и колонизации жизненного мира соседних восточных славян. В довольно короткий срок возникает Древняя Русь, «о б щ е с т в о» завоевателей и территория в о й н ы! Руссы, агрессивные и конфликтные по характеру люди войны, не хотели и не умели ни с кем договариваться и уступать. Поэтому они вели войны на Руси не десятками, а сотнями. Состояние войны на Руси было явлением постоянным, а мир неустойчивым, кратковременным. Они любили мир как средство к новым войнам, поэтому короткий мир любили больше, чем долгий. Кумиром военного племени руссов было в л а с т о л ю б и е: пылающий бич для самых твердых сердец, жестокая пытка, мрачное пламя живых костров; злая узда, наложенная на народы; перед взором его человек пресмыкается, гнется, раболепствует и становится ниже змеи и свиньи; грозный учитель великого презрения, которое городам и царствам проповедует прямо в лицо: «Убирайтесь прочь!», - пока сами не возопят: «Пора нам убираться прочь!»

Племя руссов делает ставку на силу, физическую и военную. Ей весь почет, все выгоды. Повсюду мы видим проявление материальной силы, которая движется против людей. Поэтому она принимает

как должное враждебность окружающего мира и сознательно или бессознательно решается на борьбу. Формируется агрессивный, захватнический, мстительный тип поведения у военных людей. Военная сила превращает в «вещь» каждого, кто оказывается в поле ее действия. Того же, кто попадает под прямой удар, она превращает в вещь буквально: был человек, остался труп. Был некто, и вот спустя мгновение нет никого.

Преступно одержимые комплексом доминирования, властолюбия и господства разбойничьи дружины первых князей-витязей, проявляя и демонстрируя алчные чувства (инстинкты), алчный разум, алчные запросы и потребности, постоянно играючи грабили людские массы. Формировалась целая система первобытного рэкета: «обманывай, грабь, захватывай, поработай». Силой оружия захватывается имущество и корм для дружины, пленные и расширяется жизненное пространство варваров.

Самой легкой военной добычей была живая рабочая сила – пленные, которые многие годы (до XII века) продавались за пределы Руси, как живой товар, в рабство. Торговля пленными являлась источником обогащения военных дружин и отражала корыстный мотив военных грабежей и походов. Захват живой рабочей силы путем военных грабежей существенным образом сокращал рабочую массу и стал одним из условий ее дефицита.

Второй формой принуждения населения при военных набегах и грабежах было «примучивание» людей путем поборов и установления д а н и. Историки по-разному объясняют социальную причину данничества. Но они едины в одном: данничество – один из способов эксплуатации, присвоения и военного ограбления людей, при котором происходят регулярные поборы с побежденных продуктами, деньгами, скотом и т.п. В основе такого способа захвата и присвоения чужого труда лежит внеэкономическое, силовое принуждение людей, их ограбление без какого-либо обмена, без учета их воли и экономических интересов. Покоренные племена не имели никакой возможности для сопротивления, поэтому смотрели на господство военных дружин, как на иго, и были вынуждены отдавать результаты своего труда. Другого способа защиты у них не было. Люди отдавали свой труд под страхом и угрозой применения вооруженной силы.

Главной формой эксплуатации чужого труда здесь была рента, но не отработочная, не натуральная (живым товаром), а продуктовая, имущественная.

Древние князья на Руси, в основном варвары (Олег, Игорь, Ольга, Святослав и др.), в военных походах и грабежах ходили за добычей, как ходила Орда, и таким способом кормили свои разбойничьи шайки – дружины. Поэтому дань с «примученных» племен представляла собой сугубо потребительский интерес. В этом выражалась ее грабительская суть. Дань исчезала тогда, когда дружина своими поборами доводила зависимое население до нищего, бедственного состояния. Когда данщики по причине голода и отсутствия продуктов ничего не могли дать военным. С разложением первобытного строя на Руси сбор дани с покоренных племен уже в киевский период стал трансформироваться в повинности, в основе которых вновь преобладали элементы внеэкономического принуждения крестьян к труду.

2. Рабство. По мнению многих историков, главной рабочей силой Древней Руси были рабы. Они упоминаются в источниках под названиями челядь, домочадцы. Последние аналогично греческому *dmoes* (так именовались рабы), что обозначает домашний холоп (мужчина), обельный (полный) холоп или просто обель, роба (женщина, слова «раб» не было); робить, роботить – по «Русской правде», обращать в рабство. В духовных документах холопы или люди именуются полными, купленными, деловыми, грамотными (приобретенными по грамоте).

Рабство, по-видимому, играло большую роль в хозяйстве того времени. Как землевладельческие работы, так и прочая хозяйственная деятельность возлагалась на рабский элемент. Не только низшие слуги и сельские работники, но и управители – тпуны и клочники, ведавшие хозяйством, состояли из рабов, только им доверяли дом, двор, хозяйство.

Челядь как рабочая сила относилась не просто к категории рабов. Это были рабы – пленники и часто неславянского происхождения. Рабы, пребывающие в полной и абсолютной власти своего господина, беззащитные, забитые, бесправные существа, одним лишь отличающиеся от «скота» – речью. Здесь появились первые признаки крепостного человека.

Из статьи 11 Краткой Русской Правды (свода варварских обычаев) видно, что челядин находится в полной и безусловной собственности господина, как любая вещь, власть над которой признается обычаем без каких-либо условий и оговорок. Когда челядин скрывается от своего господина, его возвращают на господский двор, как заблудившийся, потерявший скот, отбившийся от своего стада.

Челядь использовалась как в сфере прислуживания своим господам, так и производства. Нередко князь сажал их на землю и взимал с них дань продуктами земледелия и ремесла. Их использовали и при окняжении общинных земель, так как земледельческого люда было недостаточно. Челядь–рабы находились под жестоким контролем княжеских надсмотрщиков и жили по установлениям своих господ. Судьба челядина–раба полностью находилась во власти господина – владыки, в его личной собственности. Он распоряжался их жизнью и смертью, а стало быть, и их трудом в полном объеме. Перед нами внеэкономическая форма принуждения.

Холопство – состояние несвободного населения в Древней Руси. Из указаний Русской Правды видно, что холоп – не субъект, а объект права. В холопы попадали люди различными способами: плен, совершение преступления, несостоятельность в оплате долга, рождение от несвободных родителей (от рабы), продажа себя в присутствии свидетелей, женитьба на рабе, поступление на службу тпуном или ключником. Положение холопов, местных рабов, определялось тем же фактом. Они составляли собственность рабовладельцев. Варварское право Руси в эти отношения никак не вмешивалось. Труд холопов находил широкое применение в домашнем хозяйстве при городских и загородных дворах, в селах, принадлежащих князьям, боярам и монастырям. Различные виды холопства на Руси явились готовой моделью для появления крепостных крестьян.

3. Иные формы внеэкономического принуждения к труду. Необходимость использования чужого труда на Руси возникла в X в. в связи с развитием земледелия, «окняжением и обояриванием земли». При этом сразу же обнаружился дефицит рабочей силы. На Руси подул «ветер несвободы», который коснулся большинства неимущих, бедных и убогих людей. Сама по себе земля без чужого труда не могла кормить ни бедных, ни имущих людей. Главной собственностью стал чужой труд

бедных, безземельных батраков, настоящих пауперов, которые находились в состоянии постоянного биологического страха смерти от голода. Этот жидкий крестьянский элемент находился в постоянном движении и поиске условий пропитания. Огромная масса зависимого люда, не находя никаких средств к пропитанию, решается добровольно отказаться от своей свободы, чтобы не умереть от голода. Они «бьют челом» своим господам.

Рабочая масса попадает в стихию обычаев имущих людей, основанных на авторитарном типе мышления, директивной власти, военной психологии приказов и приказаний, установках на насилие, на ремесле изготовления «ежовых рукавиц» и иных способах держать в узде и подчинять своей воле неимущих. Других способов удержать рабочую силу на земле на Руси не было. Здесь постоянно совершенствовался один способ подчинения рабочей силы господину – насилие и его концентрация в различных формах.

Каждый землевладелец стремился поселить на своей земле как можно большее количество крестьян и привязать их к земле как можно прочнее. Чтобы заманить рабочую силу, имущие и богатые отыскивают и изобретают различные способы проявления своей «милости» к бедным. И внешне эти отношения выглядят как обмен услугами: богатые предоставляют бедным постройки, скот, инвентарь, семена, подчас и деньги в обмен на их труд. Все перечисленное носит название «купы»-займа (ссуды) под залог живого труда. Иногда дают и участок земли для работы на себя – «ресулиум, отарицу». В порядке «обмена» бедные обязуются нести рабочую повинность на пашне богатых в уплату долга (кредита) и так работать до погашения кредита трудом или деньгами.

Таким образом, возникает фигура «ролейного закупа» должника, потерявшего свою свободу, зависимого и несвободного пашенного работника. Он не мог уйти от господина без расплаты, подчиненный полностью власти кредитора. Обычай о закупах, закрепленные в Русской правде, были малочисленны и неопределенны. Они касались вопросов зависимости и поэтому их толковали всегда как хотели в интересах кредиторов. Условия кредитов для закупов были очень тяжелые. 15% считались очень легким «христианским» процентом, а должник попадал в закупы в бессрочную зависимость. В приказе кредитора никак не учитывались ни его воля, ни его экономические интересы.

Поэтому здесь не было никакого договора, его заменяла приказная сделка, по которой в кабальную зависимость попадал не только труд, но и сам работник. Наниматель при этом считал себя вправе требовать, чтобы работник смотрел на все его хозяйство глазами господина, мыслил его понятиями, его убеждениями.

Все историки и правоведы считают, что закуп вступал в сделку на основе договора найма, порядной¹ (ряд-договор), как подрядчик, который договаривался с хозяином об условиях вступления в крестьянство. Но разве неимущий, «бедный человек» может о чем-то договариваться с хозяином? Нет. Этого никогда не допустит кредитор и при любой попытке к соглашению будет рассматривать это как неблагодарность и дерзость бедного, к которому хозяин проявляет свою «милость». Следовательно, бедняк может только кротко просить о том, чтобы его приняли в крестьянство, «бить челом», покорно и молчаливо соглашаться на все условия продажи своей рабочей силы кредитору. Он получал купу, уплату вперед и поэтому становился должником на условиях кредитора.

В таких приказных порядных включались кредитором обязанности порядника как частного, так и публичного свойства. Таковы условия о праве помещика облагать своих крестьян натуральными и денежными повинностями, оброком, разными видами барщины, а также обязательные условия о подчинении обычному праву и хозяйской власти.

Крестьянскую порядную многие исследователи считают арендной сделкой, в которой арендатор платит деньгами за услугу, оказанную ему наймодавцем. И действительно, порядная обслуживает те же потребности, что и сделки об имущественном найме. Крестьянин в делах хозяйственной эксплуатации берет на время чужую землю, в этой связи производит арендодателю ряд выплат. Значит, порядную сделку можно считать предшественницей сделки о личном найме. Но так как в ее основе лежало обычное право, юридически эта сделка была ничтожной и фиктивной, не имеющей ничего общего с наймом закупа.

Имущественный наем закупа по своей природе представляет довольно сложную конструкцию экономического «обмена», основанного

¹ Термин «ряд» в словаре В. Даля имеет 36 смысловых значений, в том числе он включает в себя и «порядок», «подряд», «распоряжение», «управление», «устав», «наказ» и т.п.

на обычном праве и различных манипуляциях авторитарного мышления и директивной власти землевладельцев-работодателей на Руси. Эта конструкция обычного права в действительности проявляла себя в различных сделках, по которым закуп становился должником во всех отношениях и таким образом попадал в тотальную зависимость и кабалу к кредитору пожизненно. Он жил в долгах, бегал от долгов и умирал в долгах.

Первая сделка. Она возникает в сфере кредитных отношений между кредитором и должником по поводу дачи – получения купы. Со времен римского права кредитор в отношениях займа (*pecunia*) всегда смотрел на неимущего с большим подозрением и недоверием, как на нерасплатившегося должника, который своими натуральными услугами и повинностями при высоких процентах ссуды никогда не мог расплатиться с кредитором. Гарантии возвращения купы, по сравнению с римским правом, у кредитора на Руси были очень неопределенные и слабые, так как перед ним был бедный, неимущий человек. Поэтому кредитор призывал должника к себе на основе личной зависимости, хозяйской власти, самоуправства и силы.

Вторая сделка. Она возникает в отношениях купли-продажи. Закуп, получивший от покупателя рабочей силы купу, рассматривался как живой товар, как купленный человек, продавший свою рабочую силу и личную свободу покупателю: «нанялся – продан». Такая купля-продажа закупа-работника предполагала безусловное и абсолютное право покупателя в распоряжении купленной вещью, хотя бы переданной во временное обладание, до погашения купы. В такое безусловное распоряжение господина-покупателя поступала рабочая сила и личность закупа. Эта сделка имела двойной интерес: неимущие люди получали купу, плату вперед, а покупатель – натуральные услуги. Покупатель, как собственник товара, приобретал власть над купленным работником и тем самым увеличивал личную зависимость.

Сделка третья. Возникает в сфере залога (*pignus*). Права господина на личность закупа были подобны правам залогодержателя. По этой сделке на основе диких обычаев залогодержатель мог требовать возмещения убытков, возникающих из-за недостатков предмета залога, при деликтах, при неисправном

исполнении работ закупом, а также при расходах на его содержание. По данной сделке должник несет ответственность за самую малую провинность и недобросовестность без учета величины *levis in abstracto*. Ограничения в римском праве по этому поводу русскому хозяину совершенно неведомы. Более того, они противоречат его правам собственника.

Четвертая сделка. Возникла в сфере договора имущественного найма (*locatio conductio rei*), по которому кредитор-арендодатель передавал арендатору землю и иное имущество. Отношения по личному найму здесь не выделялись. Видимо, они не были известны сторонам, хотя кредитор, понимая это, искусно притворялся. Чужой труд он рассматривал как имущество и средство для эксплуатации. За личной зависимостью закупа перед кредитором, как за плотной завесой, скрывалась эксплуатация двух видов: земли и живого труда. При помощи договора такую эксплуатацию осуществить довольно трудно. Поэтому кредитор постоянно хитрил, вводил в заблуждение и обманывал должника при помощи сделки, пользуясь отсутствием защиты у должника со стороны закона. Обычное право в таких отношениях кредитор превращал в право сильного, обладающего экономическими ресурсами, для проявления такого могущества.

Уступка рабочей силы кредитору-землевладельцу осуществлялась не в форме договора бедного с богатым, а в виде различных сделок, исходящих от кредитора. Поэтому в таких отношениях отсутствуют какие-либо взаимные обязательства у сторон. Такая уступка своих прав должником представлялась в понятиях вещного права, в одностороннем порядке по неограниченному усмотрению кредитора, т.е. по русскому произволу.

На основании обычаев устанавливались непосредственные и постоянные правомочия кредитора использовать предметы и объекты вещных отношений в своих интересах полностью или частично. Данные правомочия, с одной стороны, составляли так называемое позитивное содержание вещных отношений, но с другой стороны, были и негативные свойства. А именно, давая одному лицу право пользования определенным предметом, обычай одновременно обязывал всех других лиц не препятствовать титуляру в праве пользоваться предметом.

Власть землевладельца, собственника ресурсов, - его «вещная сила и мощь». Возникает особое волевое отношение собственника к за купу, побуждающее последнего к активным действиям. Власть кредитора наделена единым, универсальным принципом осуществления – командованием в различных его формах (распоряжения, приказания, принуждения, угрозы и т. п.). Ведь всякая работа крестьянина в хозяйстве землевладельца предполагает непременно наряд, надзор и понуждение. Осуществление этих функций всегда относилось к хозяйской власти помещика.

На все сделки с за купом землевладелец смотрел как хозяин и оценивал их как способы прикрепления крестьян к его земле. Такое прикрепление по своим последствиям означало многое: безусловную и постоянную связь кредитора и должника. Сама зависимость крестьянина от помещика также становилась постоянной и прочной. Ведь каждый землевладелец должен был для своих выгод заботиться о том, чтобы крестьянин не перешел от него в другое, более богатое хозяйство. Поэтому землевладельцы заботились только об одном, а именно – стремились захватить себе как можно больше произвольной власти, а подвластному оставить как можно меньше свободы и самостоятельности. Пользуясь отсутствием закона и суда, землевладелец достигал своей цели там, где по своей природе борьба подвластного с владельцем не могла иметь места. Подвластный был не в состоянии ни сопротивляться власти хозяина, ни вести против него борьбу в одиночку. Результат такой борьбы известен заранее – победит богатый и сильный, а не бедный и слабый. Единственный способ защиты от такой власти у крестьянина – бегство.

Власть землевладельца, собственника земли, бессознательно распространялась на людей этой земли. Все, кто имел власть над вотчиной и хозяйством, владели и людьми, как живым придатком земли, на ней поселившимися. Поэтому со временем богатство на Руси стало определяться не размером земли и угодий, а количеством людей, живших на этой земле. А если учесть авторитарное мышление землевладельцев, то их власть над людьми постоянно расширялась, и никто – ни суд, ни государство – не могли ее ограничить. Исторический результат такого неограниченного произвола хозяйской власти известен – крепостное право.

Владелец земли и людей соединял в своем лице и домовладельца, и вотчинника и поэтому фактически обладал огромной властью над ними. Он контролировал весь семейный и общественный быт подвластного ему человека, который со своей стороны не мог противопоставить такому произволу никакого ясно определенного права. Право подвластного человека как таковое отсутствовало или не могло быть использовано. Сделочный характер отношений между кредитором (землевладельцем, хозяином) и должником (закупом) означает отсутствие какого-либо договора между сторонами. Перед нами – сделки, заключенные исключительно на условиях кредитора и выгодные только для него, по которым от должника требуются действия в пользу кредитора: отдавать, отдавать и отдавать труд... А именно: оказание кредитору натуральных услуг на основе личной зависимости. Основа таких сделок маскируется фиктивным экономическим обменом между кредитором и должником.

В действительности в этих отношениях отсутствует взаимодействие экономического свойства, для чего есть свои причины. Отсутствует какая-либо эквивалентность в обмене или ее подобие. Не просматривается в обмене и какая-либо компенсация или взаимная выгода, а имеется лишь выигрыш кредитора за счет интересов должника, за счет его проигрыша. Отсутствие экономического обмена у закупа приводит к печальным последствиям. Он становится личной собственностью кредитора, что происходит на основе внеэкономического принуждения должника, без учета его воли и экономических интересов. Личная зависимость должника, а не что-либо иное, в данном случае составляет основу внеэкономического принуждения. Полусвободный закуп попадает в кабалу к кредитору, который становится его кабаловладельцем. Слабая форма экономического обмена в отношениях с закупом послужила основой внеэкономического принуждения. В дальнейшем эта форма принуждения, основанная на личной зависимости закупа – работника на Руси, будет доминировать и постоянно расти. В итоге, известный финал – закрепощение крестьян, которое произошло на основе обычаев внеэкономического принуждения, придуманных землевладельцами при попустительстве царской власти и активном пособничестве сословия имущих людей.

4. Повинности крестьян. В XIV–XV вв. на Руси наблюдается интенсивный рост частновладельческого землевладения. Рабочей силы, как всегда, не хватало. Поэтому собственность феодалов на землю реализуется в виде многочисленных повинностей, которые несли крестьяне в пользу господ и феодального государства.

По имеющимся источникам весьма сложно составить полную картину крестьянских повинностей, их видов, форм, соотношения, динамики. Это объясняется в первую очередь реальными историческими условиями той эпохи, когда в качестве получателей этих повинностей могли выступать как частные феодалы, светские и духовные, так и феодальное государство, и дворцовое ведомство (выделение которого начинается с рубежа XV – XVI вв.), церковь как религиозное учреждение (специальные «церковные» пошлыны, например при заключении браков). Кроме того, существовали мирские платежи (относящиеся к «черным» землям).

Особенностью эпохи, было наличие местных, свойственных только тому или иному региону наименований повинностей (например, «дар», «поралье» в Новгородской земле, «розвинское» свадебная пошлына лишь в Волоцком, Московском, Ржевском и Рузском уездах).

Формы, в которых отбывались повинности, как и их сочетание, могли быть самыми различными. Так, среди частновладельческих, вотчинных повинностей могли быть и отработочные в виде сельскохозяйственных (полевых, по переработке сельскохозяйственной продукции), промысловых и транспортных работ, и натуральные платежи – оброки продуктами землевладения, скотоводства и птицеводства, промыслов, домашнего производства и денежные платежи. Оброки могли быть и нормированные, и издольные.

Государственные повинности (в число их входили военные повинности крестьян – посоха и некоторые другие) тоже могли быть и отработочные («на яму стояти», «город делати» - строить укрепления, и т. д.), и натуральные (например, предоставление «кормов» наместникам и волостелям и их помощникам – до перевода этих повинностей на деньги), и денежные (дань, пищальные, ямские, полоняничные, стрелецкие и иные «деньги»).

Равным образом и среди *дворцовых* повинностей встречаются и *отработочные* (например, молотьбы, помол, перевозка княжеского

хлеба, заготовка сена, участие в качестве загонщиков в княжеской охоте), и *натуральные* (предоставление «кормов» дворовым слугам: бортникам, бобровникам, персоналу княжеской охоты, пищи для охотничьих собак, ловчей птицы и т. д.), и *денежные* (напр., «закосное», «закос» вместо непосредственной работы по сенокосению).

Церковные поборы уплачивались, как правило, деньгами. Однако «руга», выплачивавшаяся некоторым церквам, могла состоять как из денег, так и из различных продуктов или из тех и других вместе.

Формы мирских повинностей («розметы») особенно сложно уловить из-за скудости известий о них. Очевидно, и здесь могли быть варианты: и какие-то общественные работы, и натуральное обеспечение продуктами общинных представителей (например, в земельных тяжбах), и денежные поборы.

Количественные соотношения разных форм и видов крестьянских повинностей едва ли можно определить исчерпывающе. Даже исчисления, проводимые на базе данных писцовых книг, нельзя абсолютизировать: существенная часть крестьянских повинностей и в этом случае остается вне поля зрения исследователя. Поэтому можно говорить более или менее определенно лишь об основных явлениях и тенденциях в отношении крестьянских повинностей на Руси XIV–первой половине XVI в.

Они суть следующие: 1) наличие различных видов повинностей (частновладельческие, государственные, дворцовые, церковные, мирские в пользу ордынских феодалов); 2) сочетание внутри этих видов, различных форм повинностей: отработочной (в том числе полевой барщины), натуральной (продуктовой) и денежной; 3) тенденция к росту повинностей (особенно начиная с рубежа XIV–XV вв.), хотя и различная по интенсивности в различных регионах; 4) тенденция к увеличению значения денежной формы повинностей, к переводу на деньги ряда отработочных и натуральных повинностей, в том числе государственных (ямские, посошные и иные деньги); 5) появление в первой половине XVI в. *новых государственных повинностей* (пищальные, стрелецкие, полоняничные деньги, ямчужное дело, а потом – деньги, и т. д.). В целом в XIV–XV вв. первоначально преобладали *натуральная* и *отработочная* формы *ренты*, а затем существенно возрастает доля *денежных* платежей.

По данным А.Д. Горского, система различных повинностей, поборов и корма в северо-восточной Руси составляла в общей сложности около двухсот наименований. В среднем на одного землевладельца приходилось около двадцати видов различных даней, оброка, повинностей и разного вида работ¹. Повинности крестьян становятся новым обычаем и средством внеэкономического принуждения на Руси на многие века. В эпоху Петра I с большим размахом будут использованы трудовые повинности для рабочей силы. Советская власть в первые годы при попытке национализации рабочей силы также использует трудовую повинность для трудоспособных граждан.

В ы о д ы. 1. Война на Руси явилась первой исторической формой эксплуатации чужого труда. Ее особенность проявлялась в том, что при помощи военной силы и насилия происходил захват чужого труда, его ограбление как в живой, так и вещественной форме. Война ничего не создавала кроме рабства, всеобщего страха, сплошного принуждения и насилия. Война не знает никаких ценностей или интересов, никаких ограничений. Она ни при каких условиях не может удовлетвориться достигнутым и поэтому постоянно ищет новые способы и средства ведения войны. Таков закон существования войны, цель войны – война. Ее лозунг – «Война – это мир»!

2. Агрессивный, грабительский характер войны на Руси имел и определенные экономические мотивы – установление и поборов на основе «примучивания» людей. Под страхом применения вооруженной силы возникает вторая форма эксплуатации чужого труда – внеэкономическое силовое принуждение. Меновые отношения здесь имеют чисто символический характер: безопасность и самосохранение людей «обмениваются» на результат чужого труда. Результатом такого «обмена» является власть и война. Модель присвоения чужого труда в форме дани и поборов на Руси в дальнейшем будет использована для взыскания различного рода повинностей и налогов государством на всех трудоспособных людей.

3. Третьей формой присвоения чужого труда на Руси явилось рабство. Рабы относились к орудиям производства – *instrumenta vocalia*, обладающим способностью речи. Система присвоения чужого труда

¹ См.: Горский А.Д. Очерки экономического положения крестьян северо-восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960. Сс. 166–167, 248–249.

и чужой работы основывалась на фактическом отношении одного человека к другому, как к простому орудию, на присвоении чужой личности с целью использования ее рабочей силы. Модель рабского состояния на Руси оказалась настолько привлекательной, востребованной и живучей, что довольно быстро была использована как основа формирования крепостничества в России. Внеэкономическое принуждение рабов воспроизводит насилие над рабом и собственность на раба для того, чтобы присваивать прибавочный и необходимый чужой труд.

4. Атрибуты войны и рабской зависимости на Руси как основы присвоения чужого труда очень быстро трансформировались в крестьянский быт землевладельцами путем использования различных сделок приказного характера. Военный приказ стал широко использоваться для вовлечения неимущих людей в сферу сельского производства. На основе приказа и приказания хозяина убогие люди попадали в кабалу, где приказной труд становился настоящей каторгой и кабалой.

Работа на хозяина не знает никакой меры, не имеет границ. Работой исчерпывается весь смысл существования работника. Для нее он зачат и рожден и вне ее он не только никому не нужен, но, как говорят расчетливые хозяева, представляет ущерб. Вся обстановка, в которой он живет, направлена единственно к тому, чтобы не дать замереть той мускульной силе, которая исходит из себя возможность физического труда. И корма и отдыха хозяин отмеривает ему именно столько, чтобы он был способен выполнить свой урок. Хозяину не нужно благополучие работника, ему нужна жизнь, способная выносить его работы. Работник живет, точно в темную бездну погружается. Из всех ощущений, доступных живому организму, он знает только ноющую боль, которую дает каторжная работа. Сама жизнь работника запечатлена клеймом бесконечности. Поэтому он не живет, но и не умирает. В нем живет целая масса, неумирающая, нерасчленимая и неистребимая. Так точно описал принудительный труд крестьянского мученика, замученного, побитого, не знающего никаких ощущений от своего труда, кроме ощущения боли, усталости и злосчастия, С. Щедрин в сказке «Коняга».

Главным регулятором в эксплуатации чужого труда на Руси был приказ. Он заменял все: соглашение, договор, уговор. Цель приказа –

приказ, который воспроизводил только власть хозяина и ничего более. Для работников, которые «били челом», пресмыкались, кланялись и униженно просили хозяина об одном – взять их в работу, приказ господина казался вечным, естественным и необходимым. О нем убогие и голодные люди никогда не задумывались потому, что он всегда выглядел окончательным и бесповоротным. Он был главным законом жизни для большинства людей на Руси. Приказ запускает действие и приводит слабейшего в движение в определенном направлении. Он не дает возможность ни развернуться, ни свернуть в сторону. При этом приказ не допускает никаких противоречий. Его нельзя обсуждать, разъяснять, ставить под сомнение.

Источник приказа – хозяин, его власть, более сильное существо. Ему подчиняются, потому что сопротивление бесполезно: приказывает тот, кто все равно победит. Приказ побуждает не обычные действия, а действия, идущие на пользу власти хозяина. В каждом приказе живет угроза за его невыполнение – санкции, которые на Руси были жестокими и устрашающими.

5. Повинности на Руси для крестьян являлись также формой внеэкономического принуждения и эксплуатации чужого труда. Приказ хозяина получил свое развитие на более высоком уровне. Государство под страхом различных репрессий начинает утилизировать чужой труд в огромных масштабах. Здесь также нет никаких меновых отношений. Власть в приказном порядке культивирует и утверждает власть, репрессии и насилие для присвоения чужого труда в масштабе общества.

6. Все внеэкономические формы присвоения чужого труда воспроизводили обезличенную рабочую массу на Руси и принудительный труд с признаками рабской зависимости на основе концентрации насилия и всеобщего страха. О меновых отношениях или каких-либо их предпосылках здесь не может быть и речи. Причина этого одна – отношение к принуждаемому человеку только как к средству, превращение человека в вещь. Рабочая сила превращалась в природный ресурс, и поэтому утилизация производилась с полным физическим износом. Принудительный труд мерами уголовного устрашения и уголовной расправы принуждающие господа превратили в наказание, где всякий расчет и выгода находились за его пределами. Внеэкономические формы принуждения к труду воспроизводили сами

себя: порабощение и устрашающую эксплуатацию. Труд для работника становился телесным наказанием, для хозяина – доходным рабством. Кабальный характер чужого труда приводит к новой исторической фигуре – появляется кабаловладелец.

О.А. Кожевников

Правовое регулирование права на объединение в РФ с учетом правовых позиций Европейского суда по правам человека

В настоящее время общепризнанным является взгляд на права человека как на универсальную категорию, отражающую наднациональные и общечеловеческие требования в области свободы личности. В этом плане права человека являются не только государственно-правовой категорией, а общесоциальным понятием и соответственно обладают рядом соответствующих характеристик:

1. Они вытекают из природы самого человека и определяются уровнем развития человеческой цивилизации;
2. Они принадлежат каждому индивиду от рождения, для обладания ими не требуется наступления каких-либо юридических фактов;
3. Они складываются в результате социально-экономического и политического развития общества;
4. Они существуют независимо от их государственного признания¹.

Не вызывает никаких сомнений, что право на объединение является основным правом человека в его общесоциальном значении, т.к. непосредственная реализация каждым указанного права является не только неотчуждаемой и прирожденной характеристикой любого индивида, но и способствует реализации всего комплекса прав и свобод, являющихся продуктом развития человеческой цивилизации. С другой стороны, социальные, ценностные характеристики права на объединение не исчерпываются его личностными аспектами как субъективного права. Конституция РФ 1993 года подходит значительно шире к регулированию соответствующей сферы общественных отношений, рассматривая общественные объединения в качестве важного институционального

¹ Бондарь Н.С. Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе. Ростов н/Д., 1996. С. 132.